

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ

А.В. Попов

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ: ОБРАЗОВАНИЕ И РАСКОЛ (1920 – 1934 гг.)

Предыстория Зарубежной Церкви связана с событиями Гражданской войны и образованием Временных высших церковных управлений (ВВЦУ) на территориях, контролируемых белыми правительствами.

В деятельности ВВЦУ на юге России в 1919 – 1920 гг. закладывались основы того, что впоследствии стало именоваться Русской Православной Церковью за границей (РПЦЗ). В этот период происходила апробация новых форм и методов церковного управления в условиях отсутствия руководства со стороны высшей церковной власти в лице Патриарха и Священного Синода. Таким образом, ВВЦУ явились первым опытом автономного церковного управления в обход высших органов власти РПЦ. А учрежденное на Соборе ВВЦУ юго-востока России с самого начала своей деятельности оказалось вполне реальной альтернативой патриаршей власти.¹

ВВЦУ юго-востока России возникло как временное учреждение, которое после восстановления связи с Патриархом и отчета о всех своих деяниях должно было прекратить свою деятельность. Но многое, задумываемое как временное, в силу политических и других причин стало постоянным. Впоследствии это привело к трагическому расколу некогда единой Русской Православной Церкви на несколько ветвей и юрисдикций.

Оно было эвакуировано из Крыма вместе с Русской армией в Константинополь. И почти сразу же после прибытия в Константинополь было переименовано в Высшее русское церковное управление за границей. С этого момента и начинается история РПЦЗ.

Среди почти 150 000 русских беженцев, прибывших к берегам Турции в ноябре 1920 г., был и митрополит Антоний (Храповицкий) с группой архиереев и священнослужителей юга России.²

По первоначальному убеждению митрополита Антония, русские православные беженцы должны были влиться в Поместные Православные Церкви по месту проживания. Но в результате влияния окружения его планы изменились. 6 (19) ноября на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» в Босфорском проливе состоялось первое (за границей) заседание бывшего ВВЦУ юго-востока России. В его работе приняли участие митрополит Антоний, митрополит Херсонский и Одесский Платон

(Рождественский), архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан (Быстров), управляющий военным и морским духовенством епископ Вениамин (Федченков). На заседании присутствовал также протоиерей Георгий Спасский из Севастополя.

Было постановлено: «Ввиду сосредоточения огромного количества беженцев в различных государствах и частях света, не имеющих общения с советской Россией и не могущих сноситься с Высшим Церковным Управлением при Святейшем Патриархе, а также вследствие необходимости попечения о Русской армии, выехавшей из Крыма, –

а) продолжить полномочия членов Высшего Церковного Управления с обслуживанием всех сторон церковной жизни беженцев и Армии во всех государствах, не имеющих сношения со Святейшим Патриархом;

б) местом действия Управления избрать г. Константинополь, как наиболее центральный пункт;

в) снестись с Константинопольской Патриархией для выяснения канонического взаимоотношения;

г) определить состав членов Управления из наличных епископов его, ввиду отсутствия других членов – протоиерея о. С. Булгакова и А.А. Апраксина, выехавшего в Сербию, и протоиерея о. Георгия Спасского, отправляющегося с флотом во французские порты, и неудобства в настоящее время организации Управления иными способами;

д) уведомить всеми возможными путями о сих постановлениях Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона, а также и все церковные центры, подлежащие попечению Русского Церковного Управления в г. Константинополе;

е) обратиться с просьбой к Главнокомандующему генералу Врангелю, передавшему через епископа Вениамина о своем желании и соображениях о необходимости иметь Высший орган Церковного Управления по делам церковной жизни беженцев и Армии, – об обращении с его стороны к Наместнику Святейшего Патриарха Константинопольского Митрополиту Брусскому Дорофею по вопросу об организации Управления в Константинополе;

ж) назначить продолжение заседания Церковного Управления в городе (Константинополе. – Авт.) на 9 ноября».

На этом же заседании ВВЦУ юго-востока Росси было переименовано в Высшее Русское Церковное Управление за границей (ВРЦУ).

Второе заседание Управления состоялось 9 (22) ноября уже в самом Константинополе. В состав Управления было решено пригласить архиепископа Кишиневского и Хотинского Анастасия, у которого митрополит Антоний нашел приют. Приглашение было принято, и владыка Анастасий тотчас же принял участие в заседаниях ВРЦУ.

На третьем заседании, 16 (29) ноября, митрополиту Антонию и епископу Вениамину было поручено выяснить вопрос о каноническом взаимоотношении с Константинопольской Патриархией и передать заместителю Вселенского Патриарха митрополиту Брусскому Дорофею письмо главнокомандующего Русской армией по

этому вопросу. В тот же день митрополит Антоний с епископом Вениамином отправились в Константинопольскую Патриархию. Митрополит Дорофей обещал обсудить этот вопрос со своим Синодом.

22 декабря 1920 г. последовала грамота Вселенской Патриархии за № 9084, которой «русским иерархам» было предоставлено право «исполнять для русских православных беженцев все, что требуется Церковью и религией для утешения и ободрения православных русских беженцев».

На прошение митрополита Антония о легализации ВРЦУ 2 декабря был получен ответ, в котором русским архиереям разрешалось «образовать для пастырского служения временную церковную комиссию («эпитропию») под высшим управлением Вселенской Патриархии для надзора и руководства общей церковной жизнью русских церковных колоний, в пределах православных стран, а также для русских воинов... Вы будете озабочены посылкой им иереев, антиминсов, проповедников и всего необходимого, стараться лично посещать их, чтобы разрешать возникающие недоумения, усмирять распри, и вообще делать все, что требует вера и Церковь для ободрения упомянутых русских христиан». Бракоразводные дела предписывалось передавать суду Вселенского Престола или судам тех Православных Церквей, где проживали русские беженцы.

Таким образом, этим постановлением Константинопольской Патриархии возможность существования Высшего Русского Церковного Управления за границей полностью исключалась. Русские епископы подчинялись Высшему Управлению Константинопольской Церкви, и их права ограничивались чисто пастырскими функциями.

Тем не менее ВРЦУ на своих заседаниях 6(19) и 8(21) апреля 1921 г. постановило провести собрания представителей РПЦ за границей для объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности.³ Такие собрания прошли в Константинопольском, Сербском, Болгарском и Западно-Европейском русских Церковных округах за границей.

ВРЦУ, которое еще оставалось в Константинополе, на своих заседаниях обсудило и вопрос о наиболее подходящем месте для резиденции ВРЦУ. Исходя из того, «что самым мощным центром по плотности и по количеству русских людей является безусловно Сербия,

что эта страна занимает центральное географическое положение на Балканах, чем облегчаются сношения,

что в Сербии же находится наибольшее число русских иерархов,

что там же сосредоточены по преимуществу русские просвещенные силы,

что Русская Армия, центральные органы управления и Главнокомандующий переходят туда же и перевозка уже начата и закончится в течение месяца,

что здесь, в Константинополе, в связи с мало-азиатской Турецкой войной создается весьма неопределенное и непрочное

положение для наших учреждений,

что непрочность этого положения усугубляется общим отношением к русским со стороны иностранцев западно-европейских держав, изменяющимся в худшую сторону,

что, наконец, в Сербии Высшее Русское Церковное Управление соединится со своим Председателем владыкой митрополитом Антонием, отсутствие авторитетного голоса которого часто заставляло медлить с решением важных вопросов, требующих предварительного письменного с Его Высокопреосвященством сношения, – Высшее Русское Церковное Управление за границей постановило: перевести свое местопребывание в Сербию, если со стороны владыки митрополита Антония последует на то согласие, и в положительном случае просить Его Высокопреосвященство выяснить этот вопрос у Святейшего Патриарха Сербского, дабы осуществить переезд в ближайшее время, о чем и послать Высокопреосвященному митрополиту Антонию доклад».

Последнее заседание ВРЦУ в Константинополе состоялось 29 апреля (12 мая) 1921 г. Первое заседание ВРЦУ в Сербии, в Сремских Карловцах, состоялось 8 (21) июля 1921 г. под председательством митрополита Антония. На нем было принято решение о созыве Заграничного Собрания Российских Церквей.

Необходимость в созыве Собора за границей мотивировалась расстройством русских церковных дел за границей, отсутствием связей с всероссийской церковной центральной властью и заботой о наилучшем пастырском окормлении русских беженцев и частей Русской армии. В деяниях Собора подчеркивалось, что ВРЦУ за границей «а) является правопреемником Высшего Русского Церковного Управления на Юго-Востоке России, большинство членов которого эвакуировалось с юга России за границу; б) действует с благословения Вселенской Патриархии и Патриарха Сербского; в) признано Его Святейшеством Святейшим Тихоном Патриархом Московским и Всея Руси (Указ Священного Синода Всероссийской Православной Церкви 26 марта – 8 апреля 1921 г., № 424)».⁴

В Положении «О созыве Заграничного Собрания Российских Церквей» говорилось:

«1. Высшее Русское Церковное Управление постановило в заседании своем от 6/19 – 8/21 организовать собрание представителей Русской Православной Церкви за границей для объединения и оживления церковной деятельности.

2. В состав Собрания входят в качестве членов представители всех заграничных автономных церквей, епархий, округов и миссий, пребывающих в подчинении Святейшему Патриарху Всероссийскому.

3. Собрание признает над собой полную во всех отношениях архипастырскую власть Патриарха Московского.

4. Все постановления Собрания поступают на утверждение Святейшего Патриарха, а до утверждения в нужных случаях проводятся как временная мера распоряжения Высшего Русского Церковного Управления.

5. Собрание состоит из епископов, клириков и мирян».⁵

Еще в период подготовки Собрания со стороны правительства КСХС возникли опасения, что оно может превратиться в политическую трибуну. Российский посланник в Белграде В.Н. Штрандтман писал митрополиту Антонию (Храповицкому) о том, что королевское правительство и Министерство иностранных дел СХС предупреждают русских иерархов: Собор был разрешен исключительно для обсуждения русских церковных вопросов, не касаясь вопросов политических.⁶

Открытие Совещания (Собора) состоялось 21 ноября 1921 г., а рабочие заседания начались на следующий день. Собор закончил свою работу 12 декабря. В составе его было 95 действительных и 6 почетных членов (трое русских и трое сербов). В нем были следующие отделы:

1. Высшего и окружного церковного управления (председателем был избран архиепископ Евлогий, а до его прибытия временно исполнял обязанности митрополит Антоний);
2. Приходской (епископ Михаил);
3. Хозяйственный (епископ Аполлинарий);
4. Судебный (епископ Феофан);
5. Просветительский (епископ Гавриил);
6. Миссионерский (епископ Серафим);
7. Военно-церковный (епископ Вениамин);
8. Духовного возрождения (архиепископ Анастасий).

Были также образованы две комиссии:

1. По проверке документов делегатов (епископ Гавриил) и
2. По изысканию средств на нужды Церкви (епископ Вениамин).

На Соборе был заслушан Наказ Собору, приняты послания «Чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим», «Христолюбивому воинству Русской Армии и Доблестному Вождю», «К Мировой Конференции», «Ко всем верующим в Бога правительствам и народам мира», «Ко всем русским православным беженцам за границей», «Русским старообрядцам в Лондоне и заграничных городах и весях» и другие документы. Было также принято Положение о русских заграничных епархиальных управлениях (на заседании Собора 17(30) ноября).

Обращения Собора к чадам Русской Церкви и к Мировой Конференции вызвали бурные возражения части членов Собора.

В первом говорилось о восстановлении на всероссийском престоле законного православного царя из дома Романовых: «Да вернет (Господь) на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовью народа, законного Православного Царя из Дома Романовых».⁷ В прениях выступил епископ Вениамин (Федченков), который заявил: «Большинство членов думает, что оно делает церковное и полезное дело, стоя не на политической почве. Я говорю не для убеждения других, а для того, чтобы нас услышали за этими стенами. Я не хочу быть человеком прошлого, но и будущего. Большинство полагает, что стоит на церковной почве, но несомненно, что точка зрения большинства политическая. Церковь должна быть сугубо осторожной. Церковная точка зрения

должна быть полезной. Большинство же стоит на точке зрения целесообразности, которая, по моему мнению, вредна и поэтому должна быть отвергнута. ...Мы не Церковный Собор всей России, мы лишь ничтожное меньшинство России... До сих пор думали, что строить государство можно только политически. Большинство и стоит на этой почве, но Святейший Патриарх сказал епископам, чтобы они были вне политики и стояли на духовной почве». Архиепископ Евлогий также призывал: «Поберегите Церковь, Патриарха. Заявление несвоевременно. Из провозглашения ничего не выйдет. А как мы отягчим положение! Патриарху и так тяжело!».

34 члена Собора сделали письменное заявление с осуждением послания, указав, что постановка вопроса о восстановлении монархии носит политический характер и не может обсуждаться на церковном собрании. Тем не менее послание было принято двумя третями голосов. Архиепископ Евлогий комментирует это так: «Мои опасения за Церковь и Патриарха, увы, впоследствии оправдались. Митрополит Антоний, в политических вопросах детски наивный, не мог учесть последствий рокового Обращения к православным русским беженцам за границей, явно монархического по содержанию и продиктованного эмигрантскими политическими страстями».⁸

Призывы Всезаграничного Собора осложнили положение Русской Церкви за рубежом и в России. И послужили первопричиной раскола русской церкви. 5 мая 1922 г. в Москве на соединенном присутствии Священного Синода и Высшего церковного совета под председательством Патриарха Тихона было вынесено постановление, которое в виде указа Патриарха было выслано возведенному в сан митрополита Евлогию для передачи в ВЦУ:

«Председателю Высшего Церковного Управления за границей Преосвященному Антонию, Митрополиту Киевскому и Галицкому

По благословению Святейшего Патриарха Священный Синод и Высший церковный Совет в соединенном присутствии слушали: предложение Святейшего Патриарха от 28 марта (10 апреля) сего года следующего содержания: Предлагаю при сем №№ «Нового времени» от 3 и 4 декабря 1921 года и 1 марта 1922 года. В них напечатаны послания Карловацкого Собора и обращение к мировой Конференции. Акты эти носят характер политический и, как таковые, они противоречат моему посланию от 25 сентября 1919 года. Посему:

1. Я признаю Карловацкий Собор заграничного русского духовенства и мирян не имеющим канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской Конференции не выражающим официального голоса Русской Православной Церкви;

2. Ввиду того, что заграничное Русское Церковное Управление увлекается в область политического выступления, – а с другой стороны, заграничные русские приходы уже поручены

попечению проживающего в Германии Преосвященного Митрополита Евлогия, Высшее Церковное Управление за границей упразднить;

3. Священному Синоду иметь суждение о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления.

По обсуждению изложенного предложения Святейшего Патриарха,

Постановлено:

1. Признать «Послание Всезаграничного Церковного Собора чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим» о восстановлении в России монархии с царем из дома Романовых, напечатанное в «Новом времени» от 3 декабря 1921 г, № 184, и «Послание мировой Конференции от имени Русского Всезаграничного Собора», напечатанное в том же «Новом времени» от 1 марта сего года за № 254, за подписью Вашего Преосвященства, – актами, не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви и, ввиду их чисто политического характера, не имеющими церковно-канонического значения,

2. ввиду допущенных Высшим Русским Церковным Управлением за границей означенных от имени Церкви выступлений и принимая во внимание, что, за назначением тем же Управлением Преосвященного Митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквями за границей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло проявить свою деятельность, означенное Высшее Церковное Управление упразднить, сохранив временно управление русскими заграничными приходами за Митрополитом Евлогием и поручить ему представить соображения о порядке управления названными церквями,

3. для суждения о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления озаботиться получением необходимых для сего материалов, и самое суждение, ввиду принадлежности некоторых из указанных лиц к епископату, иметь по возобновлению нормальной деятельности Священного Синода, при полном, указанном в соборных правилах, числе его членов. О чем, для зависящих по предмету данного постановления распоряжений, уведомить Ваше Преосвященство.

5 мая (22 апреля) 1922 года. № 348

Член Священного Синода Архиепископ Фаддей
Делопроизводитель Н. Нумеров»⁹

Митрополит Евлогий вспоминает, что указ произвел на него ошеломляющее впечатление. Он сразу же написал письмо митрополиту Антонию и приложил к нему копию указа. В ответ получил телеграмму: «Волю Патриарха необходимо выполнить, немедленно приезжайте». Из-за болезни митрополит Евлогий смог приехать в Карловцы только спустя четыре недели. Но настроение в Карловцах изменилось: сформировалась оппозиция указу Патриарха. Митрополит Евлогий на заседании ВРЦУ сделал доклад

об указе. Содокладчиком был секретарь Управления Махараблидзе, который привел доводы в пользу того, что с указом можно не считаться.¹⁰ Митрополит Евлогий заявил, что взят недопустимый тон в отношении Патриарха, и покинул заседание.

Последующие свои действия митрополит Евлогий называет «самой главной ошибкой своей жизни», своим «самым большим грехом перед Богом, перед матерью Русской Церковью и перед Святейшим Патриархом Тихоном»: «Тут мне следовало и проявить власть, заявить, что отныне указы Карловацкого Синода для меня силы не имеют, что я исполню волю Патриарха... Но я, ради братского отношения к собратьям-архиереям, закинутым в эмиграцию, во имя любви к митрополиту Антонию, старейшему зарубежному иерарху, с которым меня связывала долголетняя духовная дружба, ради всех этих сердечных, может быть сентиментальных, побуждений... пренебрег Правдой – волей Патриарха». Именно в этом митрополит Евлогий видел причину не только своих личных бед, но и источник всех дальнейших нестроений в жизни зарубежной Церкви.¹¹

Указ породил множество толкований и мнений о возможности и правомерности его исполнения. В частности, митрополит Антоний сначала решил безоговорочно подчиниться указу, снять с себя полномочия председателя ВРЦУ и затвориться в монастыре на Афоне. Однако большинство членов ВРЦУ склонялись к тому, чтобы не исполнять волю Патриарха, считая, что указ был подписан под давлением большевиков. В русских зарубежных приходах начался сбор подписей под обращениями к митрополиту Антонию с просьбой не уходить на покой.

1 сентября 1922 г. состоялось заседание ВРЦУ, на котором его секретарь Махараблидзе сделал подробный доклад об указе Патриарха. Он высказал сомнение в подлинности указа, обратив внимание на его каноническую «безграмотность». И отметил: «Суровый тон и заметная поспешность и необдуманность в составлении предложения показывают, что его писал человек не свободнодействовавший». Далее он сказал: «Свободна была ли воля Патриарха? Скорей всего нет, скоропалительность решения, что несвойственно Тихону, ясно, что предложение написано им под давлением и даже в присутствии большевиков».¹² В заключение он сделал вывод: «нельзя указ провести в жизнь немедленно без дополнительных разъяснений и указаний. Нельзя, во-первых, потому, что подлинность указа все-таки надо предварительно проверить; во-вторых, нельзя потому, что указ построен на явных недоразумениях».¹³

На следующий день, 2 сентября, состоялся Архиерейский Собор, который решил лишь формально исполнить волю Патриарха. Собор упразднил ВРЦУ и образовал Временный Заграничный Священный Синод РПЦ. Решение Собора гласило:

«1. Во исполнение Указа его Святейшества Святейшего Тихона Патриарха Московского и всея Руси и Святейшего при нем Синода от 24 апреля (5 мая) 1922 года за № 348 существующее Высшее Русское Церковное Управление упразднить;

2. Для организации новой Высшей церковной власти созвать

Русский Всезаграничный Собор 21 ноября 1922 года;

3. В целях сохранения правопреемства Высшей Церковной власти образовать Временный Заграничный Архиерейский Синод РПЦ за границей с обязательным участием митрополита Евлогия, каковому Синоду и передать все права и полномочия Русского Церковного Управления за границей;

4. Состав Временного Заграничного Архиерейского Синода определить в 5 человек;

5. Названному Синоду принять зависящие от него меры к созыву Русского Всезаграничного Церковного Собора;

6. Об образовании Временного Архиерейского Синода довести до сведения Святейшего Патриарха Тихона и всех глав Автокефальных церквей, а также российских посланников». ¹⁴

В мае 1923 г. в Сремских Карловцах состоялся очередной Архиерейский Собор. На нем присутствовало 12 епископов. 16 епископов прислали письменные ответы на вопросы митрополита Антония:

«1. Признаете ли Вы необходимость существования высшего церковного института для управления заграничными церквями епархиями или считаете возможным, чтобы иерархи управляли своими епархиями автономно?

2. Если Вы признаете необходимость высшего соборного органа для управления зарубежной церковью, то в каком составе Вы полагали бы его организовать: то есть в составе ли только Епископов Синода, или же с участием пресвитеров и мирян?

3. Кого из живущих за рубежом иерархов Вы указали бы в качестве членов Синода?

4. Кто, по Вашему мнению, должен быть председателем Синода?

5. В виду отсутствия в настоящее время высшего церковного органа для управления церковной деятельностью в России, не представляете ли возможным и желательным распространение высшего церковного управления за границей и на церковную жизнь в пределах России в той мере, в какой это возможно по существу и по практической жизни?». ¹⁵

На Архиерейском Соборе, состоявшемся в мае 1923 г., обсуждался проект реорганизации церковного управления, предложенный митрополитом Евлогием. Его главные предложения состояли в следующем: «Твердо признавая незыблемую обязательность Патриаршей воли, изложенной в Указе № 348, обсудить вопрос об устройстве центрального органа заграничной русской церкви. По сему вопросу я полагал необходимым: признать положение, что Представители епархий, находящихся за пределами России, в их совокупности выражают голоса свободной Русской заграничной церкви, но ни отдельное лицо, ни собор иерархов этих епархий не представляет собою власти, которой принадлежали бы права, во всей полноте принадлежащие Всероссийской церкви в ее полной совокупности. Идею объединения согласовать с принципом внутреннего самоуправления... Устройство центрального органа должно основаться на указаниях Патриаршего указа № 362. Новый орган

не может и не должен быть простым повторением прежнего ВЦУ с простой переменной названия. Основываясь на этих предпосылках мое предложение заключается в следующем: все находящиеся за пределами России епархии – неразрывная часть автокефалии Московского Патриархата. Означенные епархии в церковно-административном отношении представляют из себя группу автономных митрополий-архиепископий – С.-Американскую, Японскую, Китайскую, Харбинскую, Западно-Европейскую, Забайкальскую и др. Центральный орган – ежегодный собор епископов, председательствует старейший по сану из архипастырей».¹⁶

В соответствии с этим докладом главное предложение митрополита Евлогия состояло в том, чтобы «немедленно просить Вселенского Патриарха о созыве Церковного Собора с участием представителей и других автокефальных церквей». Он подчеркивал: «Только на этот собор, созванный на такой нейтральной почве и таким авторитетным лицом, как Вселенский Патриарх, смогут прибыть или прислать своих представителей главы автономных церквей новых государственных объединений наших окраин. Финляндия, Литва и даже Польша придут сюда». Для понимания умонастроений митрополита Евлогия того периода важна его мысль: «...В деле церковном мы должны умереть, конечно, временно в этом политико-национальном отношении именно для того, чтобы воскреснуть и церковно, и государственно, и национально».

Предложения митрополита Евлогия не нашли поддержки у членов Архиерейского Собора. Так, секретарь Синода Махараблидзе считал: «...В докладе (Евлогия) есть данные, совершенно не соответствующие действительности или недостаточно обоснованные, проектируемый Синод сводится к положению простой канцелярии за спиной Митрополита Евлогия». В докладе управляющего русскими православными общинами в Болгарии Епископа Серафима обращалось внимание на осторожное отношение к указу № 348 и необоснованность претензий митрополита Евлогия на управление всей зарубежной церковью.

Анализ анкет и выступлений русских иерархов показывает, что митрополит Евлогий остался в меньшинстве. Ни один из иерархов не поддержал его в вопросе о созыве Собора всех православных церквей под эгидой Вселенского Патриарха. Более того, только два епископа поддержали организацию Собора с участием мирян. Особое мнение выразил Епископ Бруклинский Евфилий: «Собор не нужен вообще. Достаточно признать Высокопреосвященным митрополита Евлогия для всей заграницы (кроме Америки) и Платона для Америки».

На Соборе, состоявшемся 17 октября 1924 г., было решено упразднить автономию Западноевропейского округа и подчинить его Архиерейскому Синоду РПЦЗ. Опираясь на патриарший указ № 348, митрополит Евлогий все же отстаивал автономию своего округа, но не сумел воспротивиться подчинению своего берлинского викария епископа Тихона (Лященко) непосредственно Синоду РПЦЗ, что в дальнейшем привело к отторжению от

Западноевропейского митрополичьего округа германских приходов.

Окончательный разрыв Архиерейского Синода РПЦЗ, с одной стороны, и митрополитов Евлогия и Платона (Рождественского), с другой, произошел в 1926 г. во время заседания очередного Собора РПЦЗ. Митрополит Евлогий пишет, что он предчувствовал недоброе и не хотел ехать на Собор, но братские чувства и преданность митрополиту Антонию пересилили, и он все-таки принял участие в его заседаниях. Во время резкой полемики выяснилось, что митрополиты Евлогий и Платон признают за Синодом лишь морально-общественное значение, но отнюдь не каноническое и не судебное-административное. После обсуждения доклада митрополита Платона об устройстве Русской Церкви в Америке митрополит Платон отказался подписать протокол, в котором его обвиняли в сепаратизме, и покинул заседание Собора. На следующий день покинул Собор и сам митрополит Евлогий. Он не признал последующее решение Собора о выделении германских приходов в самостоятельную епархию как противоречащее воле патриарха Тихона.

Главное противоречие между митрополитом Евлогием и зарубежным Синодом заключалось в различном толковании следующего пункта указа Патриарха № 348: «за назначением тем же Управлением Преосвященного Митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквями за границей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло проявить свою деятельность, означенное Высшее Церковное Управление упразднить, сохранив временно управление русскими заграничными приходами за Митрополитом Евлогием и поручить ему представить соображения о порядке управления названными церквями». Если митрополит Евлогий считал, что этот пункт указа дает ему законное основание для неподчинения зарубежному Синоду и возглавления всей зарубежной церкви, то зарубежный Синод расценивал этот пункт лишь как подтверждение постановления ВРЦУ за границей о назначении Архиепископа Евлогия управляющим заграничными русскими церквями в Западной Европе.

Митрополит Евлогий так писал митрополиту Сергию (Страгородскому) в 1927 г. о своих разногласиях с Архиерейским Синодом РПЦЗ: «Коренная разница наших взглядов состояла в следующем. Архиерейский Синод стремился под новым наименованием остаться прежним Заграничным Высшим Церковным Управлением. Он желал иметь всю полноту прав прежнего Святейшего Правительствующего Синода по отношению к заграничному епископату и церквам. Не довольствуюсь этим, он искал воспринять полноту прав Всероссийской Церковной власти как за рубежом, так и по отношению к России, и вопрос этот был поставлен на повестке всех Архиерейских Соборов 1923, 1924 и 1926 гг. Архиерейский Синод и Собор стремился стать законченной церковной организацией типа поместной Церкви с полнотой соответствующих прав. Моя точка зрения была противоположной. Я видел и вижу основное условие нашего церковного бытия за рубежом в органической связи с матерью

Церковь Всероссийской, безусловном признании авторитета власти Московского Патриаршего Престола и безоговорочном ему подчинении. Посему я не допускаю ни автокефалии заграничной Церкви, ни восприятия ею тех прав, кои принадлежат лишь центральной Всероссийской Церковной власти. Я почитаю заграничные наши церковные учреждения второстепенными, подчиненными органами, обладающими меньшим объемом канонических прав и более узким кругом действия. В частности, я не допускаю изменений положений, установленных властью Патриарха, как, например, изменение пределов епархии без волеизъявления законных правопреемников Патриарха, т.е. его Местоблюстителя или Заместителя Местоблюстителя».¹⁷

После постановления Архиерейского Собора РПЦЗ от 26 января 1927 г. о запрещении в служении митрополита Евлогия разрыв дошел до крайней точки. На это постановление митрополит Евлогий ответил «Обращением к духовенству и приходам», в котором объявил, что запрещение и другие меры по отношению к нему не имеют канонической силы. О наложенном на него запрещении митрополит Евлогий оповестил митрополита Сергия в письме от 12 сентября 1927 г. Тот ответил постановлением № 104 от 9 мая 1928 г., в котором говорилось о запрещении: «Запрещение, наложенное на Преосвященного Митрополита Евлогия и др. архипастырей и клириков, признать не имеющим силы и неподчинение такому запрещению – не подлежащим взысканию».

Вскоре после разрыва с РПЦЗ на грани разрыва оказались и отношения митрополита Евлогия с Московской Патриархией. Летом 1927 г. митрополит Евлогий получил послание митрополита Сергия (Страгородского) от 29 июля с требованием к заграничному духовенству о предоставлении письменных обязательств о лояльности к Советской власти. В послании указывалось: «Предложить Управляющему русскими заграничными церквами в Зап. Европе Преосвященному Евлогию, а через него и всем заграничным русским архипастырям и прочим священнослужителям – дать письменное обязательство в такой форме: "Я, Нижеподписавшийся, даю настоящее обязательство в том, что ныне состоя в ведении Московской Патриархии, не допущу в своей деятельности общественной, в особенности же церковно-пастырской, ничего такого, что может быть принято за выражение моей нелояльности к Советскому Правительству"».

Митрополит Евлогий вспоминает, что это требование вызвало в его пастве бурю политических страстей. Тем не менее он заверил митрополита Сергия в своем отказе от политических выступлений и собрал подписи большинства подчиненного ему духовенства, став таким образом единственным эмигрантским церковным лидером, приславшим письменное обязательство политической лояльности. Подписка была дана с определенными оговорками: под лояльностью понималась аполитичность эмигрантской церкви, а не политическая лояльность к СССР, гражданами которого эмигранты не являлись. Обязательства митрополита Евлогия зафиксированы в его письме митрополиту Сергию от 12 сентября 1927 г.: «Поэтому, в осознании своего

долга пред Матерью-Церковью, во имя моей безграничной любви к ней, я обязуюсь твердо стоять на установившемся уже у нас, согласно заветам Святейшего Патриарха Тихона, положении о невмешательстве Церкви в политическую жизнь и не допускать, чтобы в подведомых мне храмах церковный амвон обращался в политическую трибуну».¹⁸

Митрополит Сергей считал приемлемыми условия и форму обязательства митрополита Евлогия. Но это лишь отсрочило окончательный разрыв.

За участие в межконфессиональных молениях за гонимых в СССР верующих, прошедших в Англии, митрополит Сергей указом от 11 июля 1930 г. № 1518 уволил митрополита Евлогия от управления Русской Церковью в Западной Европе, предписав передать все дела архиепископу Владимиру. После отказа архиепископа Владимира принять дела управление было поручено митрополиту Литовскому Елевферию.

После своего увольнения митрополит Евлогий сделал подробный и обстоятельный доклад митрополиту Сергию, в котором доказывал несправедливость его решения, а также просил отменить указ до решения церковного суда. Митрополит Сергей не внял представленным доводам и подтвердил увольнение.

После этого митрополит Евлогий принял решение перейти под юрисдикцию Константинопольского Патриарха. 17 февраля 1931 г. состоялась встреча митрополита Евлогия с Вселенским Патриархом Фотием в Константинополе. Во время встречи митрополит Евлогий получил грамоту Вселенского Патриарха о приеме Западно-европейских русских церквей в юрисдикцию Вселенского Патриарха и своем назначении Экзархом Вселенского Патриарха. Сам митрополит Евлогий объясняет свое решение следующим образом: «Каждая церковь и каждый епископ имеют право апеллировать ко Вселенскому Патриарху в тех случаях, когда они не находят справедливости у своей церковной власти».

На наш взгляд, канонических оснований для перехода под омофор Вселенского Патриарха не было. Видимо, понимал это и митрополит Евлогий. В своих воспоминаниях он отмечал, что этот новый порядок управления русскими церквями, подчинение Константинопольскому престолу носит временный характер и после восстановления общепризнанной церковной власти и нормальной церковной жизни в России русские приходы в Европе вернутся в лоно Матери-Церкви.

29 июля 1927 г. митрополит Сергей опубликовал свое послание, вошедшее в церковную историю под именем Декларации митрополита Сергия.

Два пункта этого послания вызвали наибольшее неприятие клира и паствы РПЦЗ:

1. «Выразим всенародно нашу благодарность и советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, а вместе с тем заверим правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия».

2. «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи

которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи».

В эмиграции аксиомой стало такое толкование этих пунктов послания: «...В декларации митрополита Сергия встречаются такие мысли и выражения, которые вполне понятны в устах безбожника, комсомольца или коммуниста, но никак не к лицу Первоиерарху, хотя и временному, Русской Православной Церкви. Так, например, митрополит Сергий в своем воззвании уверяет чад Православной Церкви в том, что радости и скорби, удачи и неудачи социалистического пролетариата и Церкви Христовой совпадают. Дальше кажется и идти некуда».

Но дают ли эти пункты из текста декларации основание для такого толкования?

Как нам представляется, абсолютно нет. И вот почему. Во-первых, в ней даже намеком не содержится мысль о «подчинении гражданским властям». О властях и государстве здесь и речи нет. А «радости и успехи» по прямому стилистическому смыслу отнесены к Родине, которая у нас одна, и которая не связана неразрывными узами с формой государственного управления или той или иной властью. Слово «которой» соединяет «радости и успехи» только с Родиной и ни с чем иным. Можно заметить здесь, что эта фраза была сформулирована как будто по благодатному озарению: большевики ее поняли именно так, как до сих пор толкуют в Зарубежной Церкви, не считающей Патриархию вообще Церковью, а на самом деле ни малейших оснований у них для такого понимания не было.

Следует отметить, что уже в Окружном послании Собора архиереев РПЦЗ (ответе на декларацию митрополита Сергия) эта фраза была фальсифицирована и написана так: «Сознавать советский союз гражданской родиной, радости и успехи **которого** (Выделено нами. – Авт.) – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи».

Что касается первой фразы, о благодарности Советскому правительству, то во всех исключительно критических отзывах присутствует явная недобросовестность: либо опускается, либо игнорируется слово «такое», чем опять же в корне изменяется смысл. Слово «такое» указывает не на вообще «отношение власти к Церкви», а на частное ее проявление – именно на легализацию церковного управления, – о чем и говорится в предыдущем параграфе. И не более. Та же самая ошибка присутствует и в «Окружном Послании» Зарубежного Собора.¹⁹

Лично митрополит Сергий в беседе с митрополитом Елевферием дал этим словам следующее толкование (и мы не имеем права исказить смысл и понимать их иначе):

«– Что особенно взволновало русскую эмиграцию в вашей декларации – это ваши слова: «радости и успехи власти – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи». Вы не можете себе представить, какое негодование возбудили в ней эти слова против вас, – сказал я ему, прохаживаясь с ним в его келии.

Он остановился, вскинул на меня свой пристальный взгляд и с едва заметной на лице улыбкой спросил меня:

– А вы читали мою декларацию?

- А как же? Читал.

- Там ведь нет тех слов, какие вы мне приписываете. Там есть: «радости и успехи нашей родины – наши радости и успехи, неудачи ее – наши неудачи». Если будут на нашей Родине неурожай, голод, поваральные болезни, кровавые междоусобицы, ослабляющие наш народ, то, конечно, этому народному горю мы не будем радоваться. А если под управлением Советской власти страна наша будет преуспевать, богатеть, улучшаться, то мы этими успехами не будем огорчаться, как огорчались враги Советской Республики. Но, разумеется, если в стране нашей будет увеличиваться неверие, Церковь будет преследоваться, то мы не можем этому радоваться, как об этом заявлено мною в письме от 1/14 марта 1928 года».²⁰

Собор РПЦЗ, состоявшийся 9 сентября 1927 г., обратился к пастве с Окружным посланием, в котором говорилось: «...Тщательно рассмотрев послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Синода и приняв во внимание, что высшая церковная власть в России находится в тяжком пленении у врагов Церкви, несвободна в своих деяниях, а также то, что у нас нет возможности иметь с нею нормальные сношения, Священный Собор Архиереев Русской Православной Церкви за границей определил: 1) Заграничная часть Всероссийской Церкви должна прекратить сношения с Московской церковной властью ввиду невозможности нормальных сношений с нею и ввиду порабощения ее безбожной советской властью, лишаящей ее свободы в своих волеизъявлениях и канонического управления Церковью. 2) Чтобы освободить нашу иерархию от ответственности за непризнание советской власти заграничной частью нашей Церкви, впредь до восстановления нормальных отношений с Россией до освобождения нашей Церкви от гонений безбожной советской власти, Заграничная часть нашей Церкви должна управляться сама согласно священным канонам, определениям Священного Собора Всероссийской Поместной Православной Церкви 1917 – 1918 гг. и постановлением Свят. Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Совета от 7/20 ноября 1920 года...».

Попытка митрополита Сергия примирить с собой зарубежную часть Русской Православной Церкви в 1933 г. к успеху не привела и 22 июля 1934 г. митрополит Сергей и Священный Синод при нем подвели последнюю черту во взаимоотношениях с Зарубежной Церковью. Был издан указ № 944, согласно которому митрополит Антоний и еще 7 русских заграничных иерархов запрещались в священнослужении.

Получив этот указ, владыка Антоний на бланке председателя Архиерейского Синода РПЦЗ 7(20) августа 1934 г. за № 4036 отправил митрополиту Елевферию, через которого был получен указ, ответ. В нем говорилось: «...Отрицая всякую силу за постановлениями митрополита Сергия и его "Синода", я глубоко скорблю, что мой бывший ученик и друг находится в таком не только физическом, но и нравственном пленении у безбожников. Признаю деяния его преступными и подлежащими суду будущего свободного Всероссийского Собора. Если же ни он, ни я до

такого не доживем, то рассудит нас Сам Пастыреначальник Господь, к которому возношу молитву о помиловании митрополита Сергия». ²¹ Архиерейский Собор 1934 г., одобрив личный ответ владыки Антония на указ митрополита Сергия о наложенных им на заграничных русских иерархов запрещениях, счел необходимым обратиться по этому поводу с Окружным посланием к зарубежной пастве, в котором говорилось: «В силу условий русской жизни нет возможности установить, где действует подлинное волеизъявление Высшей Церковной власти в России, а где действует злая воля. Единственным выходом из этого неопределенного и мучительного положения было объявить Зарубежную часть Русской Церкви временно независимой от Московской Патриархии, как это и сделано Собором в 1927 году».

С этого момента берет начало окончательный разрыв РПЦЗ от РПЦ Московского Патриархата.

Образование Американской Православной Церкви имеет другую историю. После Октябрьского переворота и Гражданской войны Русская Православная Церковь в Америке переживала глубокий кризис: нормальная связь Американской епархии с церковным центром в России оборвалась, финансовая помощь из России прекратилась, из-за чего административный центр в Нью-Йорке и отдельные приходы испытывали большие материальные затруднения. Кроме того, американская епархия оказалась без правящего архиерея. Ее последний возглавитель, назначенный Святейшим Синодом до революции, архиепископ Евдоким (Мещерский) не смог вернуться в Америку со Всероссийского поместного собора (1917 – 1918 гг.), а его обязанности незаконно исполнял епископ Канадский Александр (Немоловский), уехавший в 1922 г. в Европу. ²²

События в России и рост националистических настроений после Первой мировой войны привели к раздроблению единой Русской православной епархии на американском континенте. От осколков этой епархии образовалось десять независимых самостоятельных национальных юрисдикций: три русских, две арабских, а также сербская, албанская, румынская, украинская и карпато-русская. ²³ Единство православия в Америке было потеряно. Идеи панславизма уступили место национализму. Каждая группа православных хотела иметь свою национальную церковь. Деление некогда единой Православной Церкви продолжалось и в последующие годы, приведя к появлению белорусских, болгарских, македонских, эстонских и других православных юрисдикций. В результате в Америке сложилась неканоническая ситуация, когда на территории одного города могло быть несколько православных епископов, на одной территории могло находиться несколько православных округов различных юрисдикций. Неканоническое положение привело к падению авторитета православия в Америке, породило сомнения в универсальности православной веры.

Такое сложное явление, не имеющее аналогов в истории, хорошо иллюстрирует послание Вселенского Патриарха Афинагора митрополиту Крутицкому Пимену, в котором говорилось: «С начала второй половины XIX века, когда русские переселенцы в Америке

стали спускаться из северных районов к югу, к промышленным центрам континентальной Америки, преимущественно начиная с первых десятилетий нашего века, православные почти из всех православных стран массами эмигрировали в Новый Мир, создавая таким образом православные юрисдикции, ныне существующие в Америке. Это есть новое явление в истории Православной Церкви, новый вид диаспоры, положение исключительное и необычное, ибо оно допускает существование нескольких Митрополитов на одной территории, иногда действующих с одинаковым титулом церковной юрисдикции над отдельными национальностями. Это находится в противоречии с ясными каноническими требованиями, как например, 21-е правило IV Вселенского Халкидонского Собора, которое определяет, что «не бывает двух митрополитов во единой области». Хотя это положение противоречит основному догматическому принципу православной экклезиологии, согласно коему в основе церковной организации лежит единство верующих, живущих в одном месте, в едином церковном организме, имеющем во главе епископа, который укрепляет единство народа Божия, в коем «несть еллин, ни иудей... но всяческая и во всем Христос», хотя это положение противоречит самому строю Церкви и ее священному законодательству, тем не менее это, поскольку касается чрезвычайного явления, отдельного и временного, оно рассматривается и принимается нашим Святейшим Апостольским Вселенским Престолом в духе крайней вынужденности, снисхождения и терпимости для того, что служить миру и единству между Церквами-сестрами, защищать его и распространять, пока нельзя будет этот вопрос официально рассматривать на будущем Святом и Великом Соборе Православной Церкви, коему он предается общеправославным решением».²⁴

Указом Патриарха Тихона от 14(27) апреля 1922 г. митрополит Платон (Рождественский) возглавил Североамериканскую епархию (он возглавлял эту епархию ранее в 1907 - 1914 гг.). В 1924 г. IV Всеамериканское церковное собрание провозгласило временное самоуправление Церкви в Америке, которое должно существовать до того момента, когда можно будет восстановить нормальные отношения с Церковью в России. Также Собрание постановило приступить к разработке постоянного, полного устава Американской Православной Церкви. В 1926 г. после разрыва с РПЦЗ митрополит Платон, формально подчиняясь РПЦ Московского Патриархата, взял курс на автономию. В марте 1927 г. Заграничный Синод наложил запрещение на митрополита Североамериканского Платона и вместо него назначил епископа Апполинария, бывшего vicария митрополита Платона, таким образом создав параллельную церковную организацию в Америке. Митрополит Платон, встав фактически на путь самовольной автономии, формально заверял церковные власти в Москве в своей полной лояльности и апеллировал к ней в своих разногласиях с карловацкими архиереями. Он писал митрополиту Сергию в 1927 г.: «Карловчане требуют от меня... признания их власти надо мной и моей епархией. Но могу ли я это сделать без ведома и разрешения

моей церковной власти, пребывающей в Москве и таковою существующей для моей епархии уже 127 лет? Не было ли бы это изменой с моей стороны и предательством, подобным тому отречению, которое имело место во дворе Каифы!?».

В 1933 г. архиепископ Вениамин с благословения митрополита Сергия отправился с циклом лекций в США, получив от него поручение выяснить позицию митрополита Платона в Америке. И в случае его отделения от Православной Церкви Московского Патриархата остаться там управляющим, а потом и правящим архиереем. Во время встреч архиепископа Вениамина с митрополитом Платоном последний заверил его в неизменном послушании Русской Церкви и местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Сергию. Митрополит Платон согласился выполнить требование митрополита Сергия и дать подписку о лояльности, но своего обещания не выполнил.

А после требования митрополита Сергия дать письменное подтверждение подчинения Патриархии и опубликовать его в газетах митрополит Платон пошел на окончательный разрыв с Матерью-Церковью: он организовал в Свято-Ханаанском монастыре в Пенсильвании совещание с американским духовенством, на котором было принято решение об окончательном разрыве с Московской Патриархией, а Североамериканская епархия была самовольно объявлена автономной.²⁵ После этого митрополит Сергий был вынужден своим определением от 16 августа 1933 г. уволить митрополита Платона от управления епархией и назначить владыку Вениамина временным американским экзархом, архиепископом Алеутским и Северо-Американским. В постановлении митрополита Сергия от 24 августа 1933 г., дополнившем определение от 16 августа, подчеркивалось: «Образованное митр. Платоном и его соумышленниками "самочинное сборище" объявить раскольническим обществом и всех остающихся в составе этого общества – отлученными от общения в молитвах и таинствах церковных». Митрополита Платона предписывалось предать церковному суду.

Однако митрополит Платон не подчинился воле Московской Патриархии, и его поддержала большая часть епархии. К экзарху Московской Патриархии перешел только архиепископ Вашингтонский Антоний (Покровский). Таким образом, в Северной Америке возникла еще одна церковная юрисдикция, Русский Патриарший Экзархат, – епархия, возглавляемая архиепископом Вениамином (Федченковым), перешедшим в юрисдикцию Московской Патриархии.

В 1934 г. митрополит Платон скончался, после чего было созвано Церковное собрание, которое подтвердило временное самоуправление Американской Церкви, а ее главой был избран архиепископ Феофил (Пашковский). Он стал митрополитом всея Америки и Канады.

Таким образом, в Северной Америке сложилась ситуация, когда на ее территории действовали приходы, подчинявшиеся Синоду Зарубежной Церкви, Московской Патриархии и автономной Американской Митрополии. Подобная ситуация «чересполосицы» юрисдикций характерна для русского зарубежного рассеяния в

целом.

Так наметились три главные ветви российского зарубежного православия: подчиненные Архиерейскому Синоду РПЦ за границей; перешедшие в новое качество как нерусские церкви (Американская Митрополия); перешедшие под юрисдикцию Вселенского Патриарха (Западно-Европейский Экзархат). Одновременно за рубежом существовали русские православные приходы, подчиненные Московскому Патриархату.

Примечания

¹ Энеева Н.Т. Судьбы Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны (1918 – 1920 гг.) и истоки юрисдикционного раскола // Русский исход. СПб., 2004. С. 299 – 300.

² Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание и творения Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. Н.-Й., 1959. С. 5.

³ Заграничное русское церковное собрание: Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 1.

⁴ Деяния Русского Всеамериканского Церковного Собора, состоявшегося 8 – 20 ноября (21 ноября – 3 декабря) 1921 года в Сремских Карловцах в Королевстве СХС. Сремские Карловцы, 1922. С. 1.

⁵ Там же. С. 3 – 4.

⁶ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 1. Л. 116.

⁷ Деяния Русского Всеамериканского Церковного Собора... С. 82 – 83.

⁸ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 362.

⁹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

¹⁰ Копия доклада Махараблидзе отложилась в фонде Архиерейского Синода Русской православной церкви за границей (ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 4).

¹¹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 371.

¹² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

¹³ Там же. Л. 45.

¹⁴ Там же. Л. 88 – 89.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 – 5.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 – 15, 21.

¹⁷ Из переписки заместителя патриаршего местоблжителя митрополита Нижегородского Сергея (Страгородского) и митрополита Евлогия (Георгиевского), управляющего Православными Русскими Церквями в Западной Европе, 1927 – 1928 (Документы из архива Отдела внешних сношений Московского патриархата) // Церковь и время. 1998. № 2(5). С. 85 – 86.

¹⁸ Там же. С. 82.

¹⁹ Русак В.С. Декларация митрополита Сергея 16/29 июля 1927 года // Макарьевские чтения: Материалы второй международной конференции (21 – 22 ноября 2003 года). Горно-Алтайск, 2004. С. 152 – 154.

²⁰ Елевферий, митрополит. Неделя в Патриархии: Впечатления и наблюдения от поездки в Москву // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 216.

²¹ Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание и творения Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Т. 7. Н.-Й., 1961. С. 357.

²² Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967. С. 101 – 157.

²³ Stokoe M., Kishkovsky L. Orthodox Christians in North America, 1794 – 1994. Orthodox Christians Publications Center, 1995. С. 55.

²⁴ Послание Патриарха Афинагора Митрополиту Крутицкому Пимену от 24 июня 1970 г. // Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. III. М., 2001. С. 306 – 307.

²⁵ Вениамин (Федченков), митрополит. Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4-5. С.18.